

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1951 Ленинград

М. Е. МАССОН

О СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПРЕДЕЛАХ ПАРФЯНСКОГО
ГОСУДАРСТВА

«На восточных его пределах находится город Мулу (Мерв) под названием „Малой Аньси“ (Малой Парфии)».

«История Младшего дома Хань»

Многолетние работы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), состоящей при Туркменском филиале Академии Наук СССР, дали уже значительное число наблюдений и накопили большой вещевой материал, освещающий различные периоды прошлого многих пунктов южной части Туркменской ССР, от Каспийского моря до побережья Аму-Дарьи. Это позволило выяснить локальное своеобразие ряда археологических комплексов, наметить по ним своего рода археологическое районирование и в сопоставлении с данными письменных источников выделить отдельные культурно-исторические провинции. При этом очень четко выявилось, что область древней Маргианы и районы левобережья среднего течения Аму-Дарьи, с одной стороны, резко отличаются от областей Парфии и лежащего западнее Дахистана своеобразием археологических объектов, а с другой — имеют много общего с комплексами памятников материальной культуры Тохаристана и Согда. Для кушано-парфянского и последующего времени, вплоть до арабского завоевания, это особенно наглядно прослеживается по мелкой терракотовой скульптуре. Последняя очень характерна для коренных земель Мавераннахра — долины Зеравшана, Кашка-Дарьи, а также южных областей Узбекистана и Таджикистана, входивших некогда в состав правобережного Тохаристана, где она повсюду встречается в изобилии¹. Наоборот, на территории Апаварктикены, Парфии и Дахистана терракотовые фигурки указанного периода встречаются редко, почти как исключение. В этом отношении показательны результаты многолетних археологических раскопок на городищах Нисы, при которых за все время только в 1949 г. встречен первый и единственный пока фрагмент миниатюрной терракотовой фигурки — часть мужского торса с полуотбитой правой рукой. Фигурка эта весьма своеобразна: полая внутри, она снаружи была сплошь покрыта позолотой, что отличает ее от всей остальной массы объектов такой же среднеазиатской скульптуры. Вместе с тем, на городищах Старого Мерва, его района и вдоль левого берега Аму-Дарьи от Чарджоу до Басаги предметы мелкой терракотовой

¹ В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб. Ташкент — Самарканд. 1927, стр. 20—27; К. В. Тревер. Terracottas from Afrasiab. М.—Л., 1934; М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение. «Труды УзФАН СССР», сер. I, вып. 2, Ташкент, 1940, стр. 74 и сл.

скульптуры отнюдь не составляют редкости. Специальное исследование этой терракоты констатировало в манере трактовки и в других деталях очень много общего между объектами из Мерва, Керков, Термеза, а также установило, что терракотовая скульптура здесь, как и в Согде, некогда была предметом весьма широкого потребления, связанного с религиозными представлениями народных масс¹. Наличие в разнообразном археологическом инвентаре признаков, позволяющих сближать комплексы памятников материальной культуры древней Маргианы с кругом культур Тохаристана и Согда, выдвинуло, между прочим, на очередь вопрос о пересмотре представлений, касающихся северо-восточных пределов Парфянского государства.

По литературной традиции принято считать, что северо-восточной границей государства Арсакидов служила Аму-Дарья, причем, по предположению В. В. Бартольда, она, вероятно, проходила близ Чарджоу². Основанием к этому послужила одна фраза из «Истории Старшего дома Хань» в передаче Иакинфа Бичурина, что Парфия (Аньси = Ансак — китайская транскрипция термина Арсак в смысле «государства Арсакидов») «лежит по реке Гуй Шуй»³.

Не имея возможности судить, насколько точно передает содержание соответствующего места в китайском тексте перевод Иакинфа, сделанный около ста лет назад, и не отвергая вероятности, что на протяжении почти полутысячелетнего существования Парфянского государства его граница в течение какого-то отрезка времени могла доходить до Аму-Дарьи, нельзя упускать из вида, что эта река вообще очень редко бывала прежде политической границей, разделявшей государственные образования, лежавшие к северу и к югу от нее. Упомянутая фраза, стоящая после слов, что Аньси «считается величайшим государством», и все приводимые далее подробности убеждают в большой зависимости текста «Истории Старшего дома Хань» от «Исторических записок» (Шы-Цзи) Сы-ма-Цзяна. Этот автор, скончавшийся в 99 г. до н. э., при составлении своего труда широко использовал данные отчета посольства своего современника Чжан-Цзяна, сведения которого о странах «Западного края» восходят ко времени не ранее середины 30-х — середины 20-х годов II в. до н. э. Некоторые данные Шы-Цзи могут относиться и к несколько более позднему времени, будучи почерпнуты из других источников, например, из отчетов китайских посольств в Парфию в 121 г. до н. э. и в середине первого десятилетия II в. до н. э.

В тексте Сы-ма-Цзяна о Парфии отнюдь не говорится, что Аньси своими пределами доходила в то время до Аму-Дарьи, а приводится лишь сообщение, что «по реке Гуй Шуй живут торговцы и купцы (странная тавтология.— М. М.), которые и сухим путем и водою развозят свои товары по соседним владениям даже за несколько тысяч ли»⁴. Если перевод точен, то речь может идти об «аньсийских купцах», которые пытались тогда держать в своих руках международную торговлю шелком и безусловно имели на берегах Аму-Дарьи укрепленные караван-сарай, исполнявшие функции своего рода факторий. Последние вовсе не обязательно должны были находиться внутри государственных границ Парфии, равно как и купцы того или иного народа сплошь и рядом проживали за пределами своего государства (например, хотя бы согдийские купцы, жившие в различных местах

¹ Результаты работы ЮТАКЭ в этом направлении за 1946 г. отражены в статье Л. И. Ремпелья. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. «Труды ЮТАКЭ», т. 1, Ашхабад, 1949, стр. 332—337.

² В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 8.

³ Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. III, СПб., 1851, стр. 54.

⁴ Иакинф. Цит. соч., стр. 7. По другим истолкованиям этого текста в нем значится, что Аньси расположена «по направлению к реке», что в ней есть базары и купцы, что последние употребляют повозки и барки для перевозки товаров вообще всюду, а не только в районе Аму-Дарьи.

вплоть до пределов Китая, что отмечается в документах первых веков н. э.).

Если мы обратимся к дошедшим до нас письменным известиям о северо-восточных пределах Парфянского государства, то увидим, что нет никаких данных считать, что первым арсакидским царям в III в. до н. э. были подвластны даже земли Маргианы. Как известно, в середине последнего десятилетия III в. до н. э. при столкновении Антиоха III с греко-бактрийским царем Евтидемом I последний главные силы сосредоточил у западных пределов своих владений в Тапурии¹, а крупный кавалерийский авангардный заслон в количестве до 10 000 всадников выдвинул несколько вперед к берегу р. Арий (Теджен). Используя оплошность неприятеля, удалявшегося на ночь от порученного охране берега Теджена, Антиох, двигавшийся со стороны Гиркании, успел затемно перебросить через пойму этой реки большую часть своей армии, которая вскоре была атакована бактрийской кавалерией. Судя по напряженности разыгравшейся битвы, в ней принял участие не только авангард Евтидема, но, видимо, и часть его главных сил, так как селевкидская армия понесла большие потери в людях, а упорство греко-бактрийских войск вынудило принять участие в сражении самого Антиоха, под которым была убита лошадь и у него самого было выбито несколько зубов. Одолеть неприятеля Антиоху удалось с большим трудом, но поражение греко-бактрийцев было настолько чувствительным, что Евтидем по окончании сражения вынужден был очистить Тапурию и, отступив во главе оставшегося войска в глубь Бактрии, укрыться за стенами города Зариаспа². Из приведенного у Полибия отрывка явствует, что главные силы Евтидема, располагавшиеся в тылу в Тапурии, находились неподалеку от поймы Теджена, восточнее, а вернее, юго-восточнее ее, и что земли этой провинции были или в пределах самой Арии в широком понимании или смежными с ней³.

При заключении мира между Антиохом III и Евтидемом I в 206 г. в смысле территориальном было подтверждено *status quo ante bellum*, и, таким образом, Маргиана продолжала оставаться в составе Греко-Бактрийского царства. Высказывания различных исследователей, будто при Митридатe I (171—138 гг.) парфяне отняли у греко-бактрийцев Маргиану, а затем сами вынуждены были уступить ее вместе с Арией вторгшимся сакам, являются не более как предположительными домыслами⁴. По письменным

¹ Полибий. Всеобщая история, X, 49.

² Полибий. Там же.

³ В. В. Тарн считает, что Евтидем сосредоточил свои войска в области Туса, и в оправдание этого своего домысла безоговорочно приписывает греко-бактрийцам заодно захват у парфян Аставены, Апаварктикены и других областей, о чем в источниках нет никаких данных (W. W. Tarn. *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge, 1938, стр. 88, 114, 219, 293). Тапурия или Тапирия (Ταπρία, Tapuria, позднее Табаристан) была прикаспийской областью, населенной народом тапурри, тапуורי, tapuri, tapurri или таригаеи, и соответствовала в III в. до н. э. юго-восточной части современного Мазандерана. По Страбону, Тапирия вместе с Рагами некогда принадлежала Мидии, а жили тапиры между дербиками и гирканцами, западнее последних (Страбон. География, XI, 9, 1). В этом сходятся все классические авторы, за исключением Ератосфена, сообщающего, что какие-то тапиры обитают между гирканцами и ариями. Интересно, что автор X в. Макдиси для Туса приводит в арабской транскрипции название Таберан, которое в местном произношении могло звучать как Тапуран (Макдиси, BGA, III, 319). Независимо от того, происходит ли название тапуров от слова «топор» или корнем его является термин «гора», можно допустить, что в древности в разных местах могли проживать одноименные племена и одно из них действительно занимало область Туса. Однако считать, что именно здесь находились главные силы Евтидема, нет оснований, поскольку это топографически находилось бы, как указывалось нами, в противоречии со всем остальным содержанием текста Полибия: располагаясь в Тусе (не говоря уже о Мазандеране), Евтидем был бы намного впереди своего авангарда, стоявшего у Теджена. Возможно даже, что Полибий спутал Тапирию с Туривой.

⁴ Ср. точку зрения С. П. Толстова о северо-восточной границе Парфии. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 241.

источникам известно лишь, что современник Митридата I парфянского, греко-бактрийский государь Евкратид Великий, вел борьбу на своих западных границах с народами Арии (в основном верхней части долины Теджена) и что парфяне отняли у него здесь две греко-бактрийские сатрапии: Туриву и Аспиону¹.

Вскоре затем последовало падение Греко-Бактрийского царства, и парфяне на протяжении 30-х и 20-х годов III в. до н. э. вынуждены были вести трудную борьбу с саками, появившимися у северо-восточных пределов страны, а затем тохарами-юэчжами. Осложнения с саками помешали Фраату II (136—127 гг. до н. э.) окончательно разгромить государство Селевкидов, а его преемник Артабан II (127—124 гг. до н. э.) погиб в результате тяжелого ранения, полученного в сражении с тохарами. Только Митридату II Великому (123—88 г. до н. э.) удалось во втором десятилетии II в. до н. э. смирить саков, образовать из занятой ими страны сатрапию Сакастену (= Сеистан) и около того же времени прочно завоевать Арию и Маргиану, что было ознаменовано выпуском памятных драхм с упоминанием названий этих областей. Нумизматы прошлого столетия, в том числе А. К. Марков, приписывали чекан этих драхм Фраату II, причем считалось, что Арию и Маргиану отвоевал у Гелиокла греко-бактрийского Митридат I². Макнауэсом эти памятные монеты необоснованно приписаны чекану Синатрука (77—70 гг. до н. э.). Имеются и иные точки зрения, приведенные в зарубежной литературе. Чисто нумизматический анализ заставляет относить всю группу монет данной серии к концу II в. до н. э. Это вполне логически увязывается с конкретной исторической ситуацией времени правления Митридата II, с которого начинается этап внешних успехов Парфянского государства, признанного отныне достойным соперником Рима на Востоке. Недаром Сы-ма-Цзян, используя донесения китайских дипломатических агентов конца II в. до н. э., характеризует в это время Парфию-Аньси как страну, имеющую несколько сот больших и малых городов, занимающую пространство в несколько тысяч ли и считающуюся «величайшим государством».

С этих пор Маргиана в течение долгого времени была пограничной областью Парфянского государства. Как на далекой окраине, в ней при Ороде I (56—37 гг. до н. э.) после разгрома в 53 г. до н. э. армии Красса были поселены в качестве колонистов около 10 000 взятых в плен римских солдат. Пан-ку, несомненно имевший в своем распоряжении данные о Парфии, относящиеся к последним годам I в. до н. э. и к первым годам I в. н. э.³, писал, что Аньси на востоке граничит с областью Кандагара (Угэшаньли), а на севере с Каньгюем. Последний был тогда на подъеме своего могущества и представлял мощное государственное образование, от которого зависели следующие пять «малых владетелей»: Ташкента, Кушании (т. е. области среднего течения Зеравшана), Бухары, Кеша и Хорезма

¹ Страбон. География, XI, 11.

² См. А. К. Марков. Неизданные арсакидские монеты. ЗВОРАО, т. VI, СПб., 1892, стр. 279 и сл.

³ Несомненным доказательством этого является отмечаемое в «Истории Старшего дома Хань» употребление в Парфии серебряных монет, на лицевой стороне которых помещено изображение лица государя, а на обратной — его супруги (Иакинф. Цит. соч., стр. 53). Как известно, такой факт в арсакидском чекане имел место только во правление Фраата V (2 г. до н. э.—4 г. н. э.), женившегося в угоду духовенству на своей матери Музе, итальянской чевольнице, присланной императором Августом в подарок его отцу. Это было запечатлено выпуском монет с изображением на реверсах повернутого вправо бюста государыни в высокой трехъярусной короне с диадемой и легендой: $\Sigma \Theta \epsilon \alpha \varsigma \text{ } \omicron \upsilon \rho \alpha \nu \alpha \iota \alpha \varsigma \text{ } \mu \omicron \upsilon \varsigma \eta \nu \varsigma \text{ } \beta \alpha \varsigma \iota \lambda \alpha \text{ } (\iota \sigma \tau \eta \varsigma)$ — «божественная Урания Муза, царица». (Ж. де Морган. *Manuel de numismatique orientale de l'antiquité et du moyen âge*. Paris, 1923—1936, стр. 160. Интересно также, что Пан-ку отмечает наличие в Парфии «около ста больших и малых городов», тогда как, по Сы-ма-Цзяну, Аньси имела «несколько сот больших и малых городов».

(может быть, части последнего). Более южные среднеазиатские области входили в состав владения «Большой юэчжи», лежавшего, по Пан-ку, также на восток от Аньси. Из относящегося ко времени около начала н. э. описания Исидором Харакским маршрута по торговому пути в пределах северных и северо-восточных областей Парфии явствует, что Маргиана и Арахозия (= область Кандагара) находились в ту пору на окраине этого государства¹. Такое же положение отмечается в «Истории Младшего дома Хань» (25—265 гг. н. э.), где в описании Парфянского государства приводится, что «на восточных его пределах находится город Мулу (Мерв) под названием Малой Аньси» (Малой Парфии)².

Согласно китайской исторической традиции, «исконными» парфянскими владениями на восточных пределах считали области Мулу (или Му) и Унагэ. В «Истории Северных дворов» обе они именуются «древними Аньсийскими землями», причем европейскими исследователями делались попытки их главные города (резиденции правителей) помещать непосредственно на левом берегу Аму-Дарьи, в частности отождествляя Му с Амударьей-Чарджоу (старо-китайское Омо или Омей)³. Между тем для этого нет никаких оснований. Про оба упомянутые владения в указанной исторической хронике говорится лишь, что они лежат «на западной стороне р. Уху», т. е. по другую сторону от Аму-Дарьи, считая от Китая⁴. Приводимые взаимные дистанции от различных мест исключают прибрежное расположение их «столиц». Так, главный город владения Му указывается лежащим на расстоянии 500 ли (около 250 км) к юго-западу от владения Бухары, что соответствует местоположению Мерва. С последним согласуется и указание размеров его укреплений, независимо от того или иного истолкования этого места текста⁵. Области Унагэ, лежавшей к юго-востоку от Му и считавшейся в два раза ближе к последней, чем к Бухарскому владению, по нашему мнению, соответствует средневековый Гузган, или Гузганан, включавший земли Шапургана, Андхоя, Давлетабада, Сарыпуля и Меймене. В X в. местный владетель жил в Гурзиване, но старой столицей области считался тогда Шапурган (может быть, тождественный бактрийскому городу Суругана), причем известно было, что прежние владетели ее некогда носили титул «гузган-худат»⁶.

Особенного внимания заслуживает показание «Истории Северных дворов» (IV—VI вв.), что наследственные правители Му и Унагэ производили себя «из рода канского владетеля» (т. е. от кушан) и титуловались «чжаову» (может быть, чжабгу), как и многие другие современные им владетели Мавераннахра. Столкновения парфян с юэчжами, как отмечалось выше, начались вскоре после падения Греко-Бактрийского царства и покорения последними Тохаристана. Несмотря на то, что «Большой юэчжи» распался на пять отдельных владений, все же, по данным Пан-ку, он имел в I в. до н. э. в зависимости от себя ряд южных областей, в частности Гаофу, т. е. область Кабулистана. «История Младшего дома Хань» оспаривает

¹ Исидор Харакский. Парфянские стоянки, 14 и 19. После упоминания столицы Арахозии прямо сказано: «Здесь граница владений парфян».

² Иакинф. Указ. соч., стр. 114.

³ Например, на составленной археологом А. А. Марушенко исторической карте Туркмении III—IV вв. (в экспозиции Ашхабадского краеведческого музея) Унагэ показано между Чарджоу и Керками, в два раза ближе к первому, чем ко второму.

⁴ Иакинф. Указ. соч., стр. 188.

⁵ У Иакинфа приведено, что резиденция владетеля Му имеет 3 ли в окружности, т. е. около 1,5 км, что соответствует размерам Эрке-Кала древнего Мерва. Другие авторы считают, что текст этот надо понимать в смысле 3 ли в стороне квадрата, что совпадает с прямоугольной площадью городища Старого Мерва — Гяур-Кала, внутри которого у северного фаса возвышается Эрке-Кала. Отождествление Гяур-Калы с Антиохией Маргианской надо признать прочно установленным.

⁶ В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 23—24.

справедливость этого показания, утверждая, что Кабулистан хотя и являлся «большим государством», но находился до сложения крупного государственного образования «великих кушан» попеременно под властью Индии, Кашмира или Парфии, которые якобы овладевали им в момент своего политического усиления и теряли его в пору ослабления своего могущества. В конце раздела о Кабулистане в «Истории Младшего дома Хань» содержится весьма решительный полемический выпад против Пан-ку:

«История Старшего дома Хань» уверяет, что Гаофу находилось под зависимостью пяти юечжисских князей. Это несправедливо. Оно было под зависимостью Аньси, а Юечжи приобрел Гаофу с покорением Аньси»¹.

Согласно показанию этого же источника, инициатором столкновения Парфии и Кушанского государства явился Кадфиз I (Кю-Цзю-кю), время правления которого, как нам удалось доказать раньше, приходится на самый конец I в. до н. э. и в основном на несколько десятилетий I в. н. э.². Именно он «начал воевать с Аньси, покорил Гаофу, уничтожил Пуду и Гибинь и овладел землями их»³.

Как показано выше, около начала нашей эры восточная граница Парфии, по данным Исидора Харакского, проходила по восточным пределам области Кандагара. Общая ситуация в начале I в. н. э. не могла способствовать заметному продвижению парфян на восток. Положение несколько изменилось к середине этого столетия. В процессе борьбы за престол между Готарзом и Варданом I (41—45 гг. н. э.), когда первый из них, опиравшийся в основном на даев и гирканцев, вынужден был удалиться в Гирканию, второй нанес ему и там новое поражение. Именно в связи с этим, по словам Тацита, Вардан I снял осаду с Селевкии и перенес лагерь «на поля Бактрианы». Развивая свой успех, он «дал еще много удачных битв и покорил все народы до реки Синда на границе дагов и ариев». Тут кончились его удачи, якобы потому, что парфяне не любили служить в такой дали. В результате, несмотря на победы, Вардан вынужден был прекратить дальнейшие завоевания и возвратиться в Парфию. Перед этим он отдал распоряжение о сооружении на месте памятных монументов в ознаменование того, что до него ни один из арсакидских царей «не налагал дани на эти народы»⁴. Едва ли, однако, в это время Кабулистан даже на время мог сделаться достоянием Парфии, поскольку это была пора необычайной военной экспансии кушан на грани правления Кадфиза I и Кадфиза II. Вскоре Парфянское государство, вслед за признанием в 61 г. автономии Гиркании, распалось на несколько самостоятельных и полусамостоятельных владений. Отныне политика «поддержания добрососедских отношений» с кушанами из-за боязни Рима исключает для Парфии возможность расширения северо-восточных границ за счет владений государства кушан, переживающего с конца I в. н. э. новый этап большого политического и экономического подъема при Канишке и его первых преемниках.

Таким образом, спорные противоречия между сведениями «Историй» Старшего и Младшего дома Хань вынуждают признать более правильными данные Пан-ку. Утверждение второго, более позднего источника, будто кушаны приобрели Кабулистан при Кадфизе I после покорения Аньси, также страдает неточностью. Известно, что Аньси, т. е. Парфия в целом, ни при Кадфизе I, ни при каком другом кушанском государе покорена не

¹ И а к и н ф. Цит. соч., стр. 119.

² М. Е. М а с с о н. К вопросу о происхождении безыменного «царя царей, великого спасителя». «Бюллетень Среднеазиатского гос. унив.», вып. 23, Ташкент, 1945, стр. 189. Полностью текст опубликован в сборнике работ кафедры археологии Средней Азии при историческом факультете САГУ. «Труды САГУ», новая серия, вып. 11, Ташкент, 1950.

³ И а к и н ф. Цит. соч., стр. 118.

⁴ Та ц и т, XI, 8—10.

была. Здесь можно было бы допустить, что в «Истории Младшего дома Хань» речь идет о «Малой Аньси», т. е. Маргиане, положение которой в смысле политической подчиненности остается, по письменным источникам, неясным. По Птоломею (первая половина II в. н. э.), Бактрия, составлявшая тогда ядро государства кушан, на западе граничила с Маргианой, что согласуется с китайскими сведениями о Мулу, но может быть понято в чисто географическом смысле. Если соответствуют действительности сведения китайской хроники, якобы правители Мерва и Гузгана при эфталитах и западных тюрках производили свой род от кушан, титулуясь как «джабгу», то данное показание как будто делает вероятным захват кушанами этих областей в пору расцвета их могущества. Мерв входил в состав Сасанидского государства, но в нем могли оставаться некоторое время у власти местные правители.

Разложение Парфянского государства протекало длительнее, чем этот же процесс развивался в государстве «великих кушан», а закат обоих этих рабовладельческих государственных образований последовал примерно в одно время. Во всяком случае, в конце II — начале III в. изменение северо-восточных границ Парфии в смысле возможного приращения земель за счет кушанских владений исключено.

Как бы то ни было, но развитие в Маргиане на местной основе своего облика культуры, отличного от такового же Парфии и имеющего, по археологическим данным, много общего с дошедшими до нас памятниками материальной культуры далекого прошлого правобережного и левобережного Тохаристана, зависело от многих причин. Оно определялось не просто положением Маргианы между собственно Парфией и приамударьинскими областями Бактрии-Тохаристана, но рядом факторов этнического, социального и политического порядка, в том числе и возможным вхождением Мургабского оазиса в течение какого-то отрезка времени в первых веках н. э. в состав государства «великих кушан».

Дальнейшему уточнению в разрешении вопроса о северо-восточных границах Парфянского государства будут способствовать новые успехи советской археологии в изучении южных областей Туркменской ССР. В частности, очень важно накопить возможно больше наблюдений над местными нумизматическими находками вообще, а особенно над медными монетами парфянского, кушанского и отчасти раннесасанидского (в том числе кушано-сасанидского) чеканов, учитывая их распространение путем выявления нумизматических провинций для разных категорий монетных кружков. До сих пор среди немалого числа собранных ЮТАКЭ на городищах Старого Мерва монетных кружков не зарегистрировано ни одного кушанского.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
17	2 сн.	оснаментированное	орнаментированное
19	18 сн.	частям света	странам света
29	14 сн.	(рис. 15 — 1)	(рис. 15а)
77	11 св.	до 7,5	до 7,5 м
107	4 св.	(рис. 45 — 2)	(рис. 45 — 3)
149	15 сн.	Парфянские стоянки	Парфянские стелицы

Краткие сообщения, вып. XXXVIII

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1940 ЛЕНИНГРАД

В раскопе № 2г (руководитель А. М. Беленицкий) обнаружены прекрасные головки эллинистического типа на подручках сосудов. Вообще же в Тали-барзу в вышеуказанных раскопках весьма интересны глиняные сасанидские сосуды с вдавленными гранатами, большие фрагменты этих сосудов, согдийские монеты VII—VIII вв. и другие предметы.

Особое место занимают 29 серебряных кушанских монет без надписей, с изображением головы на одной стороне и стрелка из лука на другой. Монеты все одного выпуска и найдены были на Тали-барзу одним из местных колхозников.

Заложен был раскоп и на городище Кафыр-кала, лежащем в 5 км на юг от Тали-барзу в квартале гончаров, на восточном берегу Илян-сая. Здесь сразу же был обнаружен сасанидский материал. Среди находок мы имеем сосуды или фрагменты сосудов с отпечатками гранатов и следами слюды на поверхности, терракотовые человеческие фигурки, фигурки животных, рельефное изображение человеческой головы на глиняной пластинке и другие предметы, из которых многие носят следы ярко выраженного сасанидского стиля.

А. Ю. Якубовский

ЭКСПЕДИЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАДЗОРА НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ БОЛЬШОГО ФЕРГАНСКОГО КАНАЛА им. И. В. СТАЛИНА

Во второй половине 1939 г. в Узбекистане осуществлялось сооружение Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина (БФК). Создание этого ирригационного гиганта, имеющего протяжение до 270 км при 18 000 000 м³ земляных выемок, не могло не сопровождаться обнаружением большого числа памятников материальной культуры прошлого в издревле населенной полосе южной части долины Ферганы. В связи с этим Комитет наук при СНК УзССР учредил сверхплановую экспедицию археологического надзора для участия в этом строительстве. Одновременное проведение канала по всей трассе, огромное протяжение последней, необходимость приспособления археологического надзора к скоростным темпам производства земляных работ без ущерба для них поставили перед узбекистанскими археологическими организациями задачу по разработке новых приемов полевых археологических исследований в специфической обстановке.

Экспедиция археологического надзора работала в составе трех археологических отрядов (состоявших каждый из одного археолога и семи наблюдателей-коллекторов), одной архитектурной группы, двух топографов, двух фотографов и двух технических работников. Все тридцать три участника экспедиции находились в постоянном движении вдоль трассы. Помощь со стороны строителей-колхозников, среди которых велось соответствующее разъяснение задач археологического надзора, дала возможность собрать большой и разнообразный вещевой материал и зафиксировать сотни наблюдений, благодаря чему удалось использовать строительство БФК как гигантский археологический разрез почти через всю Ферганскую долину.

Второй этап деятельности экспедиции вслед за окончанием земляных работ заключался в археологической рекогносцировке прилежащих к трассе районов. В результате Фергана оказалась покрытой сеткой маршрутов и археологический надзор превратился в разведочную экспедицию, широко охватившую самые разнообразные памятники.

Состав вещевых находок обнимает объекты от кремневых орудий до предметов эпохи последнего кокандского ханства. Наибольшее количество выявленных археологическим надзором памятников приходится

на время, предшествующее арабскому завоеванию. Среди находок есть столь редко до сих пор встречавшиеся в Фергане древние предметы из бронзы: наконечники копий, стрел, украшения и др. Наибольшей полнотой отличается комплекс памятников второй половины I тысячелетия до н. э., обозначенный термином „даваньский“ (от слова Давань, как именуется эта страна в китайских источниках). Установлено несколько городищ этой культуры, обнаружен ряд погребений и разнообразный инвентарь. Характерной для нее („даваньской культуры“) является керамика с процарапанным орнаментом. Среди предметов, относящихся к этой культуре, должен быть отмечен сосуд в виде банки с прямыми боками без ручек, на наружной стороне которого даны изображения фазанов, отделенные друг от друга елочками. Среди украшений в могилах найдена бронзовая пряжка с обращенными друг к другу головами львиц, могущая быть сближенной с таковыми же изображениями на некоторых предметах, принадлежащих искусству ахеменидского Ирана. К этой же эпохе относятся некоторые рисунки на скалах у сел. Араван и в горах Айрымачтаз к СЗ от г. Оша, где экспедицией зафиксированы выбитые изящные силуэты местных лошадей легкого восточного типа (аргамаки), о высоких породных качествах которых имеются упоминания в китайских летописях II в. до н. э. Это единственный пока иконографический материал, относящийся к прославленным даваньским лошадям. Очень хороша также в наскальных рисунках фигура оленя с запрокинутыми назад рогами, напоминающая трактовкой изображения этого животного из Сибири. Среди отдельных предметов заслуживает упоминания впервые найденный в Фергане крупный бронзовый котел „скифского“ типа на трех ножках с четырьмя дисковидными ручками и размещенными между ними изображениями горных козлов, как бы шествующих в направлении по часовой стрелке.

Найден ряд поселений, которые включают в себе высокосортную красную керамику, могущую быть сближенной с керамикой „кушанского“ типа. Из более поздних памятников обнаружены погребения в ляхатах (так наз. „катакомбы“), сопровождающиеся находками обломков мелких медных монет с квадратным отверстием китайского типа, но видимо среднеазиатского происхождения.

Среди многочисленных зарегистрированных экспедицией архаических и дофеодальных городищ были осмотрены развалины древнего Касана, считавшегося столицей Ферганы еще в VIII в. и находящегося к северу от нынешнего одноименного селения. Выяснено, что после арабского завоевания жизнь на этом городище замерла. Посещение развалин Ахсы-кента, известного как главный город Ферганы с IX в., привело к открытию в его нижних культурных слоях расписной керамики древнего типа. Выяснилось, что около двух тысяч лет назад здесь был крупный городской центр. На поверхности городища лежит культурный слой конца XII — начала XIII в. и лишь в цитадели и вблизи нее попадает в небольшом количестве материал XV в.

Установлено местонахождение ряда средневековых городищ, в том числе Риштана, часть которого занята теперь современным кладбищем с мазаром, носящим имя известного законоведа XII в. и автора Хидаи. Развалины средневекового города Пап (в арабской транскрипции Баб) обнаружены на правом берегу Сыр-дарьи, причем городище носит название Мунчак-тепе. Уточнено представление об исторической топографии некоторых других средневековых городов (Маргелана, Коканда и др.). Выяснено, что в Андижане, в центре города, на месте соборной мечети и минарета XIX в. прежде находились здания с облицовкой из резных неглазурованных кирпичей конца XIII — начала XIV в., т. е. времени, когда по распоряжению Хайду и Дува-хана отстраивался самый

город. В отношении Кувы, бывшей в X в. вторым по величине городом в Фергане, выяснено, что верхний культурный слой обширной территории ее шахристана содержит материал не позднее начала XIII в., после чего жизнь с этого городища переместилась на примыкающую с востока площадь.

Сбор монет дал нумизматическую коллекцию в несколько сот объектов, охватывающих период почти в 2200 лет, причем впервые в Фергане зарегистрирована находка греко-бактрийских монет (медные крупные халки Гелиокла середины II в. до н.э.). Вскрытие погребений различных эпох впервые же предоставило в распоряжение советской антропологии остеологический материал далекого прошлого Ферганы.

Архитектурная группа, фиксирующая главным образом памятники местного зодчества XIX в., обнаружила в Аште в мазаре Аштсахова средневековый михраб, покрытый великолепным резным глиняным штукатуром. До сих пор в Средней Азии известны были лишь единичные фрагменты такого штукатура.

Ряд наблюдений привел к заключению, что сложная ирригационная система в основном была создана в Фергане чуть ли не две тысячи лет назад. Установлено между прочим, что стоящий в начале Сохского веера крупный укрепленный замок Сарыкурган в основных культурных слоях включает керамику „кушанского“ типа, которая встречается и на территории одноименного нынешнего кишлака.

Экспедиции удалось побывать кое-где на окраине песков, находящихся в центре Ферганы, и установить, что площадь культурных земель с руинами, заключающими в себе „даваньскую“ и несколько более позднюю керамику, еще около двух тысяч лет назад занимала часть территории современной пустыни. Наконец, археологический разрез показал, что процесс заболачивания Ферганской долины происходил с давних пор в отдельных ее частях и продолжался до последнего времени. Колебания уровня грунтовых вод были весьма значительны, и в ряде пунктов под их современным уровнем вскрыты погребенные культурные слои.

Помимо многочисленных наблюдений и обильного сбора вещевого материала, в результате экспедиции археологического надзора на БФК накоплен производственный опыт по проведению наблюдений на крупных новостройках, осуществляющихся скоростными темпами, и дана перспектива для наметки плана будущих работ по широкому археологическому изучению Ферганы — наименее исследованной в этом отношении области УзССР.

М. Е. Массон

ИТОГИ ПОСЛЕДНИХ РАСКОПОК ДРЕВНЕЙ ТИРИТАКИ

Летом 1939 г. продолжила свои работы Боспорская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР. В экспедиции принимал участие, как своими средствами, так и научными силами, Керченский археологический музей им. А. С. Пушкина. Экспедиция продолжала раскопки древнего города Тиритаки (в Камыш-буруне, к югу от Керчи), начатые в 1932 г. и ведущиеся с тех пор ежегодно. Ниже мы даем наиболее существенные выводы.

Прежде всего следует отметить своеобразный облик Тиритаки как древнего поселения. Античные писатели упоминают Тиритаку как город, но то, что открывают раскопки, далеко не совпадает с обычными представлениями об античных городах с присущей им четкой распланировкой, уличными магистралями, с многочисленными жилыми и монументальными